

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2018, № 1 (22)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, executive secretary, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burtseva Zh.V.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyshcheva L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, Doctor in Philosophy, Professor (YaSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Fedorov V.I.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2018, № 1 (22)

Учредитель (соучредители):
**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурцева Ж.В.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Федоров В.И.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиттов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, Doctor in Geology and Mineralogy, Professor (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *E.N. Romanova*

Editors: *N.I. Degtyareva*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Е.Н. Романова*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Романова Е.Н.</i> От выпускающего редактора	10
--	----

Исторические науки

<i>Панченко А.Б.</i> Евразийская парадигма в отечественном народоведении (история становления и научный потенциал)	11
<i>Романова Е.Н., Степанова Л.Б.</i> «Sine ira et studio»: Гавриил Ксенофонов и проблема кочевничества Евразии: неопубликованные заметки этнографа	19
<i>Бравина Р.И., Петров Д.М.</i> «Оленёкская хосунная эпопея» и легенды о туматах: этногенеалогия северных и вилюйских якутов	26
<i>Немировский А.А., Прокопьева П.Е., Жукова Л.Н.</i> «Грابتить не для себя»: мотив юкагирского эпоса о Халандине в историко-культурном контексте	36
<i>Кирьянов Н.С.</i> Археологическая "Эллэйада" Верхоянья (история изучения древних памятников Арктики) 41	
<i>Васильев В.Е.</i> Культ предков в свете погребального обряда древних тюрков (по мифам и преданиям народа саха)	49
<i>Артыкбаев Ж.О.</i> Общие истоки в истории и культуре казахов и саха	57

Социологические науки

<i>Сураганова З.К.</i> АЛЖИР как феномен «женской» несвободы в репрессированной памяти казахского народа	64
<i>Николаев В.В., Самушкина Е.В.</i> Концепт «культурное наследие» в общественном дискурсе северных алтайцев начала XXI в.	72
<i>Перевалова Е.В.</i> Этнополитические стратегии и этнокультурные проекты ненецкой элиты Ямала и Югры 78	
<i>Смирнов Д.В.</i> Причитания Верхней Пинеги – от полуречевых к музыкальным формам интонирования (опыт использования высокоточного компьютерного анализа)	87

Филологические науки

<i>Покатилова Н.В.</i> Филологическая составляющая евразийской концепции Г.В. Ксенофонтова	97
<i>Бурыкин А.А.</i> Тюркский лингвистический фон Восточной Сибири в контексте алтаистики, сравнительно-исторической тюркологии и якутской диалектологии	104
<i>Жубаева О.С.</i> Тенденции развития казахской пунктуации	113
<i>Карманова (Ноева) С.Е.</i> «Герой пути» в романах В.С. Яковлева-Далана: эволюция героя и пространства 119	

<i>Слепцов П.А.</i> Историческая диалектология как источник изучения истории якутского языка в контексте научного творчества С.А. Иванова	125
<i>Дьячковский Ф.Н.</i> Место глагольной фразеологии в системе фразеологических единиц якутского языка (на материале трудов А.Г. Нелунова)	131
Сведения об авторах	135
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	138

А.А. Немировский, П.Е. Прокопьева, Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.004

УДК 398(=554)

«Грабить не для себя»: мотив юкагирского эпоса о Халандине в историко-культурном контексте

Статья написана на материале разновременных публикаций верхнеколымских юкагирских преданий о народном герое Халандине. Исторической основой преданий послужили, по-видимому, реальные события третьей четверти XVII в. Тексты этого цикла сообщают, что богатырь Халандин боролся с нашествиями иноплеменников (коряков) на верхнеколымских юкагиров и добился их прекращения. Ряд преданий содержит и другой мотив – о том, что Халандин и сам совершал набеги на иных иноплеменников с целью грабежа. При этом в преданиях, записанных в конце XX в., этот мотив часто сопровождается заявлениями, что сам Халандин добычей от таких набегов не пользовался, и порицанием в адрес названных набегов. Анализ исторических преданий позволяет думать, что указанные моменты характерны для позднего времени. На смене моделей отношения исторических преданий к иноплеменникам сказались изменения в восприятии их юкагирами.

Ключевые слова: северо-восток Азии, верхнеколымские юкагиры, исторические предания, иноплеменники, военные набеги, этический аспект.

К числу актуальных задач фольклористики относится анализ мотивов в общем фольклорном и социокультурном контексте. Данная статья посвящена одному из мотивов фольклора верхнеколымских (лесных) юкагиров о богатыре Халандине, герое исторических преданий о межплеменных столкновениях. Суть мотива заключается в следующем: Халандин при набегах занимается грабительством не ради себя, а ради своих людей.

В фольклоре о Халандине [Немировский, Прокопьева, 2017, с. 20–60] сообщается, что прежде всего это был богатырь, боровшийся с нашествиями неких иноплеменников (чаще называются коряки) на верхнеколымских юкагиров и добившийся их прекращения*. Однако из ряда преданий о Халандине следует и другой мотив – сообщения о том, что Халандин и сам совершал набеги и налеты на других иноплеменников (эвенов, не нападавших на юкагиров), чтобы отнять у них оленей и забить их на мясо. Обычно рассказчики в той или иной мере осуждают эту сторону деятельности своего героя [Там же, с. 44, ср. выражения на с. 31, 38] (есть основания думать, что это осуждение появилось на более поздних этапах бытования традиции).

Характерно, что в нескольких из текстов, сообщающих о таких набегах, подчеркивается, что Халандин все награбленное в названных набегах раздает сородичам, ничего не оставляя себе, а идет на эти набеги лишь тогда, когда сородичи оказываются в особенной нужде и помочь им иначе нельзя. Один из рассказчиков (В.Г. Шалугин, 1934 г.р.) прямо говорит: «...Он страшно людей грабил. Разграбит – но себе ничего не брал. Разделял он. Вблизи находившимся людям говорил он: “Возьмите и разделите между собой”» [Там же, с. 44], также в еще одном рассказе «Он берет не себе... “Грабить” – это для себя только. Халандин же грабит не для себя, а для своих людей» [Там же, с. 53]. Другой рассказчик (Н.М. Лихачев, 1916 г.р.) также сообщает аналогичную информацию: из таких набегов Халандин «олений всех приносил. Принеся, делил между юкагирами» [Там же, с. 31–32]. Это сообщение дополняет Д.Г. Дьячков (1912 г.р.): когда нуждающиеся в оленьих жилах, шкурах для шитья меховой одежды женщины-мастерицы просили Халандина помочь, он «исчезал», никому не говоря, куда направляется, нападал на эвенов, отнимал у них оленей, по возвращении забивал их и раздавал добытое – но не всем сородичам, а

* Исторической основой этих преданий послужили, по-видимому, реальные события третьей четверти XVII в.

лишь тем женщинам, кто ранее его просил о помощи [Там же, с. 37–38]*.

В еще одном рассказе Н.М. Лихачев также упоминает в качестве причины набега особенную нужду сородичей: «когда люди голодали», Халандин пошел к эвенам и попросил у них оленей, те пожалели своего добра и отказали, тогда Халандин напал на них, забрал оленей силой, отнес мясо сородичам и накормил их. Он так и не признался сородичам, откуда взял мясо, а на их вопрос об этом ответил: «Не спрашивайте, ешьте». Вскоре он умер от раны, полученной при налете (что, видимо, следует понимать как своего рода наказание для него) [Там же, с. 31]. Как видим, в двух из приведенных рассказов подчеркивается, что Халандин скрывает от сородичей то, что он добыл им мясо, олени шкуры именно посредством налета на эвенов. Иными словами, он и сам стесняется этого поступка и идет на него лишь ради попавших в тяжкое положение сородичей.

Яркую параллель к сказанному дает представление верхнеколымских юкагиров о том, что может делать их шаман, когда нуждающиеся сородичи обращаются к нему с просьбой, например, при помощи колдовства похитить для них у кого-то то, в чем они нуждаются. Подобное похищение в любом случае «грех» для шамана (и для тех, кто получит у него добытое таким образом по их просьбе), но ради сородичей шаман может на это пойти; однако тогда уж он не должен брать ничего из добытого при этом для самого себя. Н.М. Лихачев вспоминал о юкагирском шамане, своем деде: «Люди ему говорили: “Дедушка, мы хотим пить чай, пожалуйста, помоги нам”» (рассказчик пояснял, что купить чай они не могли из-за его высокой стоимости). «На это... [шаман] говорил: “Вы меня на грех опять зовете”. Тогда молодые говорили: “Дедушка, делай, делай”». Шаман магическим путем «воровал, заставлял прилетать» искомое от инопле-

менных богатых соседей. Однако, пояснил рассказчик, сам шаман плодами такого своего «промысла» пользоваться не мог (полевые материалы Л.Н. Жуковой и П.Е. Прокопьевой) Из труда В.И. Иохельсона, впрочем, известно, что некоторые шаманы пренебрегали этим запретом и о них говорили, что они обеспечивают сами себя чаем и табаком подобным путем [Иохельсон, 2005, с. 279; ср. Жукова, 2012, с. 271, 358]].

Все сказанное обнаруживает пошаговое схождение со всеми ключевыми элементами изложенного выше мотива преданий о Халандине: здесь есть и нуждающиеся родичи, которых нельзя обеспечить необходимым иначе, как похитив его у кого-то, и герой, берущий на себя такое похищение (причем похищает искомое именно у иноплеменников), но все равно считающий этот свой поступок «грехом», и то представление, что, по крайней мере, тогда этот герой не должен брать ничего из этого похищенного для самого себя.

Как видно, в изложенных представлениях отразился тот же этический взгляд, что и в преданиях о Халандине: человек, похищающий нечто для нуждающихся сородичей, берет на себя тем самым определенный грех, но еще большим (и качественно иным, более тяжелым) этот грех был бы, если бы он воспользовался похищенным для себя самого. Поскольку этот взгляд одинаково применяется и к шаману, использующему магию, и просто к сильному охотнику-воину, для которого никакие ритуалы не упоминаются, ясно, что это именно этический, а не узкоритуальный подход.

Более далекую и общую, но тоже явную параллель дает здесь фольклорная традиция нижнеколымских (тундровых) юкагиров об алайском** вожде Эдилвэе, который стал истреблять всех иноплеменников, приходивших, нарушая племенные границы, на территорию его племени, чтобы кочевать и кормиться на ней (но не

*Целый ряд известий сообщает, что в обычае юкагиров было все добытое охотниками отдавать для дальнейшего общинного распределения между всеми членами стойбища (в частности, во время голодовки, даже добыв одну рыбу, одну птицу, одного зверя, делили между всеми [Иохельсон, 1900, с. 177–178; Жукова, 2012, с. 295]. Паями делили также кости и части тела умершего шамана-предка [Жукова, 2012, с. 286–289; Иохельсон, 2005, с. 236–239; Фольклор юкагиров, 2005, с. 392–393, 508]). Однако, как видим, в рассказах о похищениях Халандином оленей у эвенов речь идет о действиях, на которые это правило не распространялось: Халандин сам раздает добытое им тем, кого считает нужным, и только им.

**Ала(й)и – юкагирское племя на Алазее, впоследствии распространилось также и на Нижней Колыме.

для того, чтобы еще и нападать на алайцев). В ходе рассказа выясняется, что сам Эдилвэй даже и не хотел столь сурово поступать с теми, кто нарушал лишь границы, но не собственно мир, он предпочел бы без насилия с ними поладить, но сородичи Эдилвэя с возмущением отнеслись бы к подобному миролюбию: по их мнению, он, как вождь и «кормилец», обязанный «обеспечивать и вести за собой» своих родичей, а не каких-то «чужих людей», должен был обрушиваться на подобных пришельцев – нарушителей границ и уничтожать их. Чтобы не навлечь на себя гнев сородичей, Эдилвэй стал поступать именно так, против своих первоначальных желаний, хотя, согласно рассказу, совершал тем самым «нъалльэ» – «грех» (грешное, скверное человекоубийство) [Фольклор юкагигов, 2005, с. 167, 169].

В эпосе о Халандине тоже присутствует картина, в которой вождь идет на «грешное» насилие (какое сам даже и не хотел бы совершать) лишь потому, что этого требуют интересы «обеспечения» его сородичей.

Напротив, контраст со всем сказанным составляет предание верхнеколымских юкагигов об их богатыре Кривороте, совершившем набег на эвенов. Этот бесспорно исторический персонаж, Криворот Мотоков русских документов XVII в. [Долгих, 1960, с. 416] был так знаменит, что попал даже в фольклор соседних с юкагирами среднеколымских эвенов как юкагирский богатырь Киророт, противник эвенов, сразивший их богатыря [Фольклор эвенов Березовки..., 2004, с. 268–269]. Причем способ, которым Киророт одолел этого богатыря, точно такой же, как и в преданиях о Халандине, где Халандин убивает своего иноплеменного врага. В юкагирском предании Криворот совершает набег на

эвенов, которые не нападали на юкагигов, угощают у них оленей и угощают их мясом своих сородичей [Иохельсон, 1900, с. 136–137]. Все эти элементы находят соответствия в изложенном выше мотиве преданий о Халандине. Но тем ярче разница в остальном: в предании о Кривороте ничего не говорится о какой-либо нужде его родичей. Криворот явно не скрывает от них способа, которым добыл мясо, едва ли испытывает в связи с этим стыд и сам ест это мясо вместе с сородичами – финал рассказа таков: «Криворот оленей до товарищей пригнал. Много мяса кушая, сидели». Сравним это мажорное окончание с горьким финалом одного из рассказов об аналогичном налете Халандина: «Оленей много убил. Принес. Его спрашивают: “Откуда столько мяса?” Он говорит: “Не спрашивайте, ешьте”. Раненый остался, после заболел, умер» [Немировский, Прокопьева, 2017, с. 31]*.

Контраст тем показательнее, что в обоих случаях речь идет о налете на эвенов, с которыми на момент этого налета не было вооруженных столкновений ни у юкагигов, ни даже у самих Халандина и Криворота. Это видно из того, что и Халандин, и Криворот, согласно прямым сообщениям соответствующих текстов, имеют возможность спокойно обратиться к эвенам и попросить у них мяса миром (Халандин воспользовался этой возможностью и получил отказ, Криворот пренебрег ею, и ограбленный им эвен упрекает его в этом: попроси Криворот у него мяса, он получил бы искомое). Если бы Криворот, Халандин или их сородичи уже враждовали с этими эвенами, то вопрос о возможности попросить у них мяса миром не мог бы и возникнуть.

Подведем итоги: рассмотренный материал исторических преданий дает две модели отношения к иноплеменникам, которые сами не на-

*Надо отметить, что в одном из юкагирских рассказов о Халандине, упоминающих его набеги на эвенов и записанных в конце XX в., также нет ни осуждения этих набегов, ни мотива нежелания Халандина пользоваться их плодами. Это один из рассказов Н.М. Лихачева, где кратко говорится без всякого осуждения: «...юкагирский богатырь Халандин..., убивая ламутов, перегонял их оленей и этим кормил своих сородичей» [Немировский, Прокопьева, 2017, с. 33]. Однако, во-первых, это всего один текст, и говорит он о набеге Халандина очень кратко, в то время как противоположный, рассматриваемый нами в настоящей работе подход представлен в куда большем числе рассказов о Халандине, записанных в те же десятилетия XX в. (в том числе и от того же рассказчика, Н.М. Лихачева), и связан в них с намного более яркими и пространными упоминаниями обсуждаемых набегов, чем те, что содержатся в указанном рассказе, где о них говорится без осуждения. Во-вторых, даже и в вышеупомянутом рассказе Н.М. Лихачева сообщается, что Халандин, грабя эвенов, «этим кормил своих сородичей», в чем остается видеть определенное отражение все того же мотива: он грабил не для себя, а для своих людей (хотя о том, что сам он не пользовался добытым в таких набеге, здесь не сказано).

падают на юкагигов и с которыми на данный момент нет вражды и вооруженных столкновений. По одной модели*, нападать на таких иноплеменников и отнимать их имущество – грех; если на него и бывает можно и нужно пойти, то разве что ради спасения сородичей от особенно тяжелой нужды, если этого нельзя добиться иначе, но и тогда это остается недобрым делом, а совершающему его не подобает самому пользоваться его плодами.

По другой модели** такие нападения ничего плохого собой не представляют, и их плоды нападавший с удовольствием и сам делит с сородичами.

Очевидно, выбор той или иной модели диктовался общим отношением к иноплеменной группе, о которой в данном случае шла речь, – отношением, определенным какими-то моментами в прошлом, и настоящим взаимодействием юкагигов с этой группой. Именно так обстоит дело в нашем случае. Из дошедших до нас рассказов о неспровоцированных нападениях на соседних эвенов с целью захвата добычи тот, в котором ярко выражена «одобряющая» модель (рассказ о Кривороте), записан в конце XIX в., а те, в которых отразилась «двойственная, с элементами осуждения» модель (рассмотренные выше рассказы о соответствующих нападениях Халандина) – в конце XX в.***

Таким образом, если судить по сохранившемуся материалу, «осуждающая» модель – более поздняя, сменяющая в юкагирском фольклоре «одобряющую». Как видно, на этой смене моделей сказались изменения в юкагирском восприятии самих эвенов. Еще в начале XVII в. между юкагирами и эвенами велась вооруженная межплеменная вражда: эвены расселялись на юкагирских землях и занимали их, юкагиры пытались отстоять свои территории, и в ходе этого

процесса происходили ожесточенные столкновения, в которых юкагиры, согласно сообщенным В.И. Иохельсону преданиям, «преследовали тунгусов, как диких зверей», и обе стороны доходили до того, что не щадили даже женщин [Иохельсон, 2005, с. 87; 1900, с. 96–97, прим. 1; 1898, с. 260; 2008, с. 288]. В это время, конечно, удалю считалось напасть на племенных врагов и ограбить их, после чего вместе разделить радость добычи. Эта фаза в обсуждаемых нами преданиях о нападениях Кривороты и Халандина на эвенов прямо не отражена: предания, очевидно, воспроизводят следующую фазу, исторически занимавшую вторую половину XVII – начало XVIII в. (и, возможно, следующие десятилетия), когда под общей русской властью межплеменных войн уже не было, но отношение юкагигов к соседним эвенам должно было в немалой степени определяться тем, что они живут и кормятся на до недавнего времени юкагирской территории, отбитой их предками у юкагигов. Такая ситуация, естественно, могла создавать своего рода отношения «ни мира, ни войны». Юкагирскому герою было одинаково незастойно и мирно соседствовать с эвенами, прося у них при надобности что-то по-хорошему, и отказываться от такого сосуществования, и вместо этого ходить на эвенов набегом. Рассказ о Кривороте можно считать наследием именно этой фазы.

Однако к концу XIX и в начале XX в. эвены стали не только мирными, но и дружественными соседями, часто симбионтами, но иногда, можно сказать, и благодетелями верхнеколымских юкагигов. Эвены были оленеводами и имели в виде домашних оленей постоянный источник питания, сырье для одежды и иных предметов. Верхнеколымские же юкагиры, частью сами занимавшиеся оленеводством в XVII в. [Долгих, 1960, с. 413, 423; ср. Иохельсон, 2005,

*Представлена особенно ярко и развернуто в одном рассказе В.Г. Шалугина [Немировский, Прокопьева, 2017, с. 44], фрагментарно – в двух рассказах Н.М. Лихачева [Там же, с. 31–32, тексты VI и VIa] и рассказе Д.Г. Дьячкова [Там же, с. 38, ср. с. 89] о Халандине.

**Ярко представлена в упоминавшемся выше предании о Кривороте, очень кратко – в еще одном рассказе Н.М. Лихачева о Халандине [Немировский, Прокопьева, 2017, с. 33], упомянутом выше, в прим. 4.

***Правда, сохранился один рассказ о вражде Халандина с эвенами, записанный еще в конце XIX в. [Иохельсон, 1900, с. 134–136; Немировский, Прокопьева, 2017, с. 20–21], но в нем эвены выступают как раз в роли врагов, которые совершают на юкагигов набеги и к числу которых принадлежит богатырь, пришедший убить Халандина, но убитый им самим (обычно в преданиях о Халандине в этой роли выступают коряки, реже – коряки и союзные им чукчи; в данном рассказе они просто замещены эвенами). Это не тот мотив, который мы исследуем.

с. 511–512], давно утратили его [Иохельсон, 2005, с. 511] и в результате депопуляции, постепенно нарастающего кризиса традиционного хозяйствования и не считавшейся со всем этим ясачной политики государства оказались на грани вымирания. Эвены не раз приходили им на помощь (как и состоятельные якуты, русские купцы, сообщество так называемых колымских «мещан»). Часть эвенов-дельянов (зельянов) просто слилась с верхнеколымскими юкагирскими родами, перейдя на юкагирский язык и войдя в состав юкагиров. С эвенами в данное время связано много положительного в жизни верхнеколымских юкагиров. Все это, очевидно, и обусловило появление в поздних записях юкагирских преданий явных элементов этического осуждения неспровоцированных нападений на соседних эвенов. Если позицию, выраженную в предании о Кривороте, можно возводить к ситуации и психологии второй половины XVII–XVIII вв., то позицию, выраженную в большинстве записанных позже преданий о нападении Халандина на эвенов, – к ситуации и психологии прежде всего XIX – начала XX в. Конечно, рассказы с выражением ранних подходов могли воспроизводиться из поколение в поколение и сосуществовать с рассказами, содержащими более поздние подходы.

Литература

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 620 с.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. II. Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письменна // Изв. Императорского Русского географического общества. – СПб., 1898. – Т. 34, вып. 3. – С. 255–290.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. I–III. – СПб.: Изд-во ИАН, 1900. – 240 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 674 с.

Иохельсон В.И. Народное творчество юкагиров // Север Азии в этнокультурных исследованиях: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона (г. Якутск, 15–16 августа 2005 г.). – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 285–308.

Немировский А.А., Прокопьева П.Е. Материалы для изучения эпоса о Халандине. – М.: Буки Веди, 2017. – 174 с.

Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров) / сост. В.А. Роббек. – Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2004. – 360 с.

Фольклор юкагиров / сост. Г.Н. Курилов. – М.: Новосибирск: Наука, 2005. – 593 с.

A.A. Nemirovsky, P.E. Prokopieva, L.N. Zhukova

"To Plunder Not for Oneself": the Motif of the Yukagir Epic about Khalandin in the Historical and Cultural Context

This article draws on material from different periods publications Verkhnekolymsky Yukagir tales about the folk hero Khalandin. The historical basis of the legends was apparently real events of the third quarter of the XVII century. The texts of this cycle report that the hero Khalandin fought with the invasions of foreigners (Koryak) in Verkhnekolymsky Yukagirs and achieved their termination. A number of stories also contain another motive – that Khalandin raided other foreigners with the purpose of robbery. In the legend, recorded in the end of XX century, this motive is often accompanied by statements that Khalandin did not use prey from such raids, and censured those raids. Analysis of historical legends allows us to think that these moments are characteristic of late time. On shift models of the relationship of the historical traditions to foreigners affected by changes in the perception of them by the Yukaghirs.

Keywords: Northeast Asia, Verkhnekolymsk Yukaghirs, historical legends, foreigners, military raids, ethical aspect.